

Глава 1

ЭКОНОМИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ И НАКАЗАНИЙ: ВЗГЛЯД С ВЫСОТЫ

Те неоинституциональные концепции, которые уже приобрели известность среди отечественных экономистов, — теория общественного выбора и теория прав собственности — изучают влияние правовых норм на развитие легального, официального бизнеса. В отличие от них экономическая теория преступлений и наказаний (economics of crime and punishment) исследует экономическое «подполье» — мир за рамками «общественного договора», мир, где действуют преступники и борющиеся с ними стражи порядка. Экономический подход к анализу преступной и правоохранительной деятельности в России практически совершенно неизвестен, хотя актуальность этого направления научного поиска для нашей страны гораздо выше, чем для развитых стран Запада, где родилась эта теория.

1.1. История экономического анализа преступности - от Мандевилля до наших дней

Предшественник, который не стал основоположником.

Хотя преступность есть столь же древнее явление, как и цивилизованное общество, экономический подход к ее изучению стал складываться совсем недавно. До этого при изучении преступности преобладала кажущаяся самоочевидной точка зрения, что преступная деятельность есть отклонение от общепринятой нормы, которое несет обществу лишь ущерб. Экономическая теория преступлений и наказаний возникает там и тогда, где и когда преступность начинает рассматриваться не как отклонение от нормы, а как специфическое ее проявление, как девиация в границах нормы.

Предтечей экономики преступлений и наказаний является английский публицист Бернард Мандевиль, один из второстепенных мыслителей эпохи Просвещения. В 1705 г. вышло первое издание написанной им в стихах «Басни о пчелах, или Пороки частных лиц — блага для общества»¹, которая очень быстро завоевала в глазах современников скандальную известность. Главная мысль этого произведения так же проста, как и неожиданна: преступная (и шире — аморальная) деятельность отдельных индивидов служит благосостоянию общества в целом. Для доказательства этой идеи, которая получила название «парадокса Мандевилля», автор поставил мысленный эксперимент, используя доказательство от противного. В своей басне он сначала в сатирическом ключе изобразил современное ему общество («улей»), подчеркивая нечестность купцов, продажность чиновников и т. д. Однако — удивительное дело! —

«Пороком улей был снедаем,
Но в целом он являлся раем».

Когда же осознавшие свои грехи люди («пчелы») стали вести нравственный и законопослушный образ жизни, то от бывшего экономического процветания не осталось и следа. Без честолюбия, без эгоистической жажды наживы рыночное хозяйство в мысленном эксперименте Б. Мандевилля оказалось нежизнеспособным, обреченным на упадок. Автор «Басни о пчелах» приходит, таким образом, к выводу, что преступная жажда наживы и нормальное рыночное хозяйство вырастают, в сущности, из одного корня, а потому искоренение преступности невозможно без подрыва экономики.

«Да будет всем глупцам известно,
Что жить не может улей честно»,

— такой моралью завершает Б. Мандевиль свое произведение.

Б. МанDEVИЛИУ не повезло: он высказал свою гениальную догадку о принципиальном единстве преступной и обычной деятельности не вовремя и потому заслужил от «высоконравственных» современников в основном упреки. Характерна в этом смысле позиция его младшего современника Адама Смита, знаменитого основоположника английской классической политической экономии: как экономист, он в «Богатстве народов» (1776 г.) сформулировал «моральный парадокс»², но как философ-этик осудил МанDEVИЛЯ в «Теории нравственных чувств» (1759 г.), назвав его философско-этическую концепцию «безнравственной». «Парадокс МанDEVИЛЯ» на долгое время оказался забыт.

Рождение научной школы. «Второе рождение» экономики преступлений и наказаний произошло в 60-е гг. нынешнего века. Оно связано прежде всего с именем знаменитого американского экономиста Гэри Беккера, который в своем научном творчестве целенаправленно выступает за расширение круга объектов экономического анализа (за что был в 1992 г. удостоен премии им. А. Нобеля по экономике с формулировкой «за расширение области применения микроэкономического анализа к широкому кругу проблем человеческого поведения и взаимодействия, включая поведение вне рыночной сферы»). Помимо трудов по проблемам теории человеческого капитала, экономики семьи, теории общественного выбора из-под его пера вышел ряд фундаментальных исследований, касающихся именно преступной и правоохранительной деятельности. Датой рождения экономики преступлений и наказаний как одного из направлений неoinституционализма можно считать 1968 г., когда была опубликована программная статья Г. Беккера, название которой напоминает знаменитый роман Ф. М. Достоевского, - «Преступление и наказание: экономический подход»³.

Эта статья как будто открыла плотину: новое направление научного поиска быстро завоевало широкую популярность среди западных экономистов. Достаточно упомянуть, что проблемами экономики преступлений и наказаний занимались в той или иной степени такие корифеи современной экономичес-

кой теории, как М. Фридмен (лауреат премии А. Нобеля по экономике 1976 г.), Д. Стиглер (лауреат 1982 г.), Дж. М. Бьюкенен (лауреат 1986 г.), не говоря уже о многих менее «титулованных» экономистах (В. Ландс, П. Рубин, М. Олсон, Г. Таллок, Л. Туроу, Д. Фридмен и др.). Во многих западных университетах читаются специальные курсы по экономике преступлений и наказаний (или по отдельным ее направлениям)⁴. Таким образом, в наши дни экономика преступлений и наказаний стала одним из приоритетных направлений научного поиска, внимание к которому тем выше, чем сильнее волнуют общество проблемы криминогенности.

Хотя экономика преступлений и наказаний основана на неоклассической методологии с характерным для нее пристрастием к абстрактному экономико-математическому моделированию, среди работ экономистов этого направления можно встретить исследования и в стиле «традиционного» институционализма.

Как и в других сферах экономической теории, в экономико-криминологических исследованиях сохраняется преобладание интеллектуального влияния экономистов США; исследования ученых Западной Европы имеют заметный отпечаток вторичности⁵. В России исследований по экономической теории преступлений и наказаний пока почти нетб.

Общие принципы и спектр экономико-криминологических исследований. До 1960-х гг. среди криминологов преобладало убеждение, что преступники - это люди, принципиально отличающиеся от нормальных законопослушных граждан: они не контролируют свое поведение и не задумываются о завтрашнем дне, иррациональны и аморальны. Г. Беккер впервые (если не считать полузабытого Б. Мандевиля) предложил исходить из того, что преступники по существу так же рациональны, как и любые другие люди, - они точно так же стремятся максимизировать свою выгоду при ограниченных ресурсах. Принцип оптимизирующего поведения действительно оказался универсальным, пригодным не только для объяснения поведения преступников, но и для выработки наиболее эффективных путей сдерживания преступности. Этот принцип

означает, что преступник (или правозащитник) сознательно и долгосрочно планирует свою деятельность, выбирая из различных ее вариантов тот, при котором отношение выгод к затратам будет максимальным.

Поскольку современная экономическая теория использует в качестве измерителя затрат и выгод исключительно стоимостные (денежные) показатели, то точно так же поступают и криминологи-неоинституционалисты, абстрагируясь, например, от этических оценок, если они никак не влияют на показатели доходов и расходов. Как и при анализе обычной экономической деятельности, экономисты не утверждают, будто все преступники действуют рационально. Чтобы предложенная неоинституционалистами модель рационального преступного поведения была признана корректной, вполне достаточно, если рационально ведет себя (или, по крайней мере, стремится вести) большая часть правонарушителей.

Поскольку основные принципы поведения людей в обычной экономической жизнедеятельности и в преступном мире оказываются одинаковыми, то экономическая теория преступлений и наказаний имеет, в сущности, ту же структуру, что и общая экономическая теория. Внутри нового раздела Экономика давно сформировались самостоятельные подразделы: есть экономическая теория поведения преступников («производителей»), их жертв («потребителей»), проекцией общей теории экономических организаций стала экономическая теория организованной преступности, проекцией общей теории государственного регулирования хозяйства — экономическая теория правоохранительной деятельности.

Подобно тому как наряду с общей экономической теорией есть экономические теории различных специфических видов производства (экономика промышленности, жилищная экономика, экономика игорного бизнеса и т. д.), существуют разработки по экономике отдельных видов преступной деятельности (экономика наркобизнеса, экономический анализ уклонения от налогов, экономика коррупции и т. д.), а также некоторых видов наказаний (например, применения смертной казни). Пожалуй, можно констатировать, что публикации по

этим частным теориям (особенно по экономике наркотиков) превосходят число публикаций по общей теории преступлений и наказаний. (Впрочем, схожая картина наблюдается и в экономической теории в целом.)

Конечно, экономическая теория преступлений и наказаний развита пока несколько слабее, чем некоторые другие направления неинституционализма (как, например, теория прав собственности и экономика права). Сами экономисты-криминологи отмечают заметный «зазор» между экономической теорией и криминологической практикой. Развитие теории осложняется, в частности, тем, что отсутствует достоверная информация о многих конкретных экономико-криминологических показателях: занятые повседневной рутинной криминологи не замечают важных долгосрочных тенденций, а лишенные конкретной информации экономисты вынуждены ограничиваться общими моделями высокой степени абстрактности. Прочный творческий союз экономистов и криминологов формируется на наших глазах, но уже созревшие плоды этого формирующегося союза довольно многообещающи.

В нашем кратком обзоре мы при всем желании не смогли бы рассказать о всех направлениях экономики преступлений и наказаний. Наша задача скромнее: дать представление о возможностях этого направления неинституционализма, познакомив с некоторыми наиболее любопытными идеями и направлениями научного поиска. При этом автор обзора стремился использовать публикации не столько последних лет, сколько 1970 - 1980-х гг., когда происходило формирование классического фонда идей экономической теории преступлений и наказаний.

1.2. Экономические теории преступной деятельности: рациональные «воры»

Неинституционалисты подчеркивают, что преступник ведет себя, по существу, так же, как и нормальный законопослушный гражданин, — стремится наиболее эффективно исполь-

зовать имеющийся в его распоряжении человеческий и физический капитал. «Таким образом, - можно прочесть в одной из обзорных статей, — решение стать преступником в принципе не отличается от решения стать каменщиком, или плотником, или, допустим, экономистом. Индивид рассматривает чистые затраты и выгоды каждой альтернативы и принимает на этой основе свое решение»⁷. Однако между профессией плотника и «профессией» преступника все же есть одно принципиальное различие, которое экономисты давно заметили. Чтобы лучше его понять, есть смысл обратиться к одному, казалось бы, сугубо частному и эмпирическому экономико-криминологическому исследованию.

В 1972 г. была опубликована небольшая статья американского экономиста Майкла Сесновица «Доход от кражи со взломом»⁸. Ее автор на основе конкретных данных криминологической статистики штата Пенсильвания за 1967 г. попытался точно оценить, насколько прибыльна «профессия» взломщика (кражи со взломом, burglary, — самый широко распространенный в США вид преступлений), и тем самым дать пример конкретного использования общетеоретической модели расчета доходности преступной деятельности.

Кража со взломом, как, впрочем, и любой другой вид преступной деятельности) - это, подчеркивает автор, высокорискованная деятельность, поскольку вор рискует быть пойманным и осужденным. Если попытаться изобразить в виде формулы зависимость чистого дохода преступника от различных факторов, то она будет выглядеть так:

$$R = (1 - p) \times S + p \times (S - D) = S - p \times D,$$

где R - доход (return) взломщика;

p — вероятность (probability), что вор будет пойман и наказан;

S - величина украденного (stolen);

D — денежная (dollar) величина потерь взломщика, которые он несет в результате наказания.

Заметим, что эта формула имеет универсальное значение и может использоваться для расчета доходности любых видов преступной деятельности корыстной направленности - уклонения от налогов, ограбления банков, киднеп-пинга, наркоторговли и т. д.

При конкретном расчете переменных главным является правильный учет потерь в результате наказания (D). Если наказанием является штраф, то оценка потерь правонарушителя производится очень легко. Труднее правильно рассчитать потери, которые несет преступник, приговоренный к тюремному заключению. В этом случае оценка должна производиться по методу альтернативных издержек: берется средний уровень упущенного потенциально возможного легального заработка, который преступник мог бы получать в течение среднего срока заключения, если бы он был на свободе, и из этой величины вычитается средний доход заключенного (т. е. средние расходы тюремной администрации на одного заключенного).

Расчеты М. Сесновица дали следующий результат: средняя величина чистой добычи от преступления составляет примерно 120 долл.; вероятность осуждения за кражу со взломом — около 6 %; ожидаемые потери от в среднем 40-месячного тюремного заключения - примерно 5.300 долл.; следовательно, ожидаемый доход взломщика составляет около —200 долл. Иначе говоря, средний ожидаемый чистый доход преступника, оказался отрицательной величиной. Эта закономерность проявляется практически во всех видах правонарушений. Каждый, кто любит ездить безбилетником, рано или поздно убеждается, что, действительно, вероятность встретить контролера и величина штрафа таковы, что систематические поездки без билета оказываются убыточными⁹.

Если средний ожидаемый доход преступника ниже нуля, можно ли утверждать, что преступник рационален? Можно! В современной экономической теории есть специальный раздел - экономика риска. Экономисты различают три различных типа рационального хозяйственного поведения: склонность к риску, нейтральное отношение к риску и избегание риска. Поведение преступников — это поведение склонных к риску,

следовательно, преступление можно рассматривать как разновидность рискованного бизнеса. В легальной экономике таким образом ведут себя многие игроки на бирже, любители азартных игр, некоторые предприниматели-новаторы. Чем более рискованным является какой-либо вид деятельности (в том числе преступной), тем более низким будет средний реальный доход любителей риска. Поэтому доходы преступников обычно ниже заработков, которые они могли бы получать, занимаясь легальной экономической деятельностью.

Если представить подход, продемонстрированный М. Сесновицем, в более общем виде, то поведение преступников предстает как максимизация ожидаемой полезности. Г. Беккер выразил ожидаемую полезность от совершения правонарушения следующей формулой¹⁰:

$$EU = (1 - p) \times U(Y) + p \times U(Y - f) = U(Y - p \times f),$$

где EU — ожидаемая полезность (expected utility) от преступления,

p — вероятность осуждения правонарушителя,

Y — доход от преступления,

U — функция полезности (utility) преступника,

f — наказание за преступление.

Поскольку преступник рассчитывает на длительную карьеру, то при оценке дохода от преступной деятельности он должен учитывать альтернативные издержки — доход в легальном бизнесе, который он получал бы, если бы не пошел по «кривой дорожке». В модели Г. Беккера предполагается, таким образом, что потенциальный преступник имеет лишь две альтернативы: либо он выбирает преступную карьеру (при $EU > 0$), либо он остается законопослушным гражданином (если $EU < 0$).

Последователями Г. Беккера предлагались и более сложные модели преступной деятельности. Широко известны, в частности, модели портфельного выбора: потенциальный преступник может распределять свой доход или свое время (т. е.

свой денежный или человеческий капитал) в различных пропорциях между легальной и нелегальной деятельностью".

Если неоинституционалисты уподобляют криминальную деятельность рынку, то на этом рынке должны действовать товаропроизводители различной степени концентрации. В легальном бизнесе спектр возможных видов организации производства в какой-либо отрасли варьируется от чистой конкуренции (множество мелких фирм) до чистой монополии (однаединственная крупная фирма). А как организован преступный бизнес? Этой проблемой занимаются специалисты по экономике организованной преступности (*economics of organized crime*)¹².

Общеизвестно, что преступления совершают не только девианты-одиночки, но и преступные организации разного масштаба и различной степени стабильности. По поводу того, как соотносятся понятия «преступная организация» (типа мафиозной «семьи») и «фирма», в литературе можно встретить две точки зрения. Одни фактически ставят между ними знак равенства¹³, другие полагают, что мафиозная «семья» ближе к финансово-промышленной группе¹⁴. Видимо, универсального ответа на этот вопрос дать нельзя, встречаются примеры и того, и другого рода.

В любом случае, экономисты согласны, что мир организованной преступности можно рассматривать как сеть фирм, производящих запрещенные законом товары и услуги и стремящихся контролировать рынок. Современный преступный мир (особенно в развитых странах), в сущности, копирует олигополистическую структуру легального бизнеса: наряду с ограниченным числом крупных и устойчивых организаций (кланов, «семей», группировок), которые захватывают наиболее прибыльные сферы, есть множество более мелких криминальных групп, а также преступников-одиночек, которые действуют в менее прибыльных сферах и обычно находятся под определенным влиянием «больших боссов». Более подробно экономика организованной преступности будет проанализирована нами во второй главе.

1.3. Экономические теории правоохранительной деятельности: оптимизирующие «сыщики»

Оптимизация уровня преступности как цель правоохранительной деятельности. Стандартное мнение о задачах правоохранительных органов гласит, что они должны «искоренять» и «ликвидировать» преступность. Если, однако, взглянуть на это с точки зрения соотношения затрат и выгод, то приходится задуматься, что несет обществу большие потери — преступность или борьба с нею?

Как сформулировал знаменитый американский экономист Джордж Стиглер, «для предельного сдерживания необходимы предельные затраты»¹⁵. Иначе говоря, чем сильнее защита правопорядка, тем большее давление испытывают нормальные законопослушные граждане, вынужденные не только содержать за счет своих налогов армию сил правопорядка, но и переносить массу унижительных полицейско-бюрократических процедур, призванных предотвращать потенциально возможные правонарушения. В принципе, абсолютно все виновные могут быть гарантированно изобличены и наказаны, если все ресурсы общества будут брошены исключительно на правоохранительную деятельность. Практика доказывает, что, действительно, в тоталитарных обществах уровень преступности ниже, чем в сопоставимых с ними обществах демократических. Конечно, общество может, с другой стороны, вообще избегать расходов на защиту правопорядка, но в таком анархичном обществе неизбежно возрастут потери от преступности.

Очевидно, любые крайности в этом вопросе равно нежелательны. Принцип оптимизирующего поведения в данном случае требует, чтобы минимизировались совокупные издержки преступности, включающие и потери общества от совершенных преступлений, и расходы общества на предотвращение преступлений.

Экономическое решение проблемы оптимизации правоохранительной деятельности в самом общем виде можно проследить на экономико-математической модели, разработанной

в 1970-е гг. несколькими американскими экономистами-криминологами — Лэдом Филлипсом, Гарольдом Воти-младшим и Крисом Эскриджем¹⁶ (см. рис. 1 — 1).

Чем больше преступлений, тем выше потери общества от них; поэтому кривая Y , показывающая зависимость издержек совершенных преступлений от уровня преступности, идет снизу вверх.

Чтобы уменьшить число преступлений, общество должно тратить все больше средств на правозащиту; поэтому кривая X , показывающая зависимость издержек предотвращенных преступлений от уровня преступности, идет сверху вниз.

Кривая Z дает нам совокупные издержки общества от преступности, она получена суммированием кривых X и Y и имеет U-образную форму.

Очевидно, что с точки зрения общества необходимо, чтобы совокупные потери не превышали минимальной величины $C_{\min}$. Для этого, как видно из графика, издержки предотвращенных преступлений, или расходы на борьбу с преступностью, должны сравняться с издержками совершенных преступлений.

«Это будет в точке, где равны предельные издержки от совершенных преступлений и предельные выгоды от предотвращенных преступлений... В сущности, — пишет К. Эскридж, — чтобы минимизировать общие социальные потери, общество должно узнать и принять некоторый оптимальный (ненулевой) уровень преступного поведения»¹⁷. Отклонения от этого оптимального уровня преступности в любую сторону (как увеличение, так и уменьшение числа совершенных преступлений) являются нежелательными.

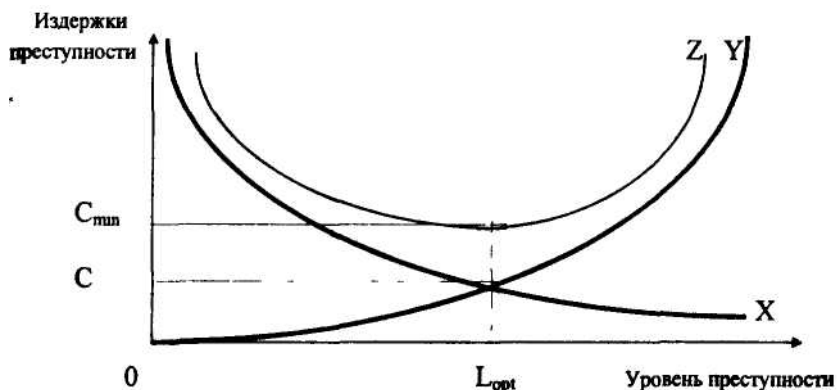

Рис. 1 — 1. Издержки преступности: X - издержки от предотвращенных преступлений (расходы на правозащиту); Y — издержки от совершенных преступлений; Z — совокупные издержки

Таким образом, общей целью правоохранительной деятельности должно быть не «искоренение» преступности, а сдерживание ее на оптимальном с точки зрения общества уровне. Сам этот криминальный оптимум достаточно подвижен и зависит как от эффективности использования правоохранительными органами отпущенных им ресурсов (повышение или понижение этой эффективности сдвинет кривую X вниз или вверх), так и от «эффективности» деятельности преступников (повышение или понижение наносимого каждым преступлением среднего ущерба сдвинет вверх или вниз кривую Y).

Модель К. Эскриджа носит, конечно, самый общий характер. Практическое ее использование для определения оптимума правоохранительной деятельности сопряжено со многими трудностями - прежде всего, с затруднениями в определении потерь от преступности. Определить имущественные потери относительно легко. Но как оценить потери от преступлений против личности - убийств, изнасилований и т. д.? Такого рода оценки неизбежно будут носить очень приближенный характер.

Таблица 1 - 1

Издержки преступности в США, 1993 г.

ИЗДЕРЖКИ ПРЕСТУПНОСТИ	Величина издержек. млрд. долл.
Потери от преступлений	
Потери от преступлений против собственности (похищенное имущество)	45
Затраты на медицинскую помощь жертвам преступлений	5
Ущерб экономике городов (потери от сокращения рабочих мест и оттока населения из криминогенных районов)	50
Нематериальный ущерб от преступлений	170
(1) Совокупные потери от преступлений	270
Расходы на сдерживание преступности	
Содержание правительственных правоохранительных органов	90
Содержание частных служб безопасности	65
(2) Совокупные расходы на сдерживание преступности	155
ВСЕГО (1+2)	425

Составлено по: *Мандел М., Магнуссон П. и др.* Сколько стоит преступление? // Бизнес Уик. 1994. № 3. С. 16 — 21.

Согласно расчетам американского экономиста Т. Миллера, специалиста по вопросам экономики здравоохранения и безопасности, в США 1990-х гг. насильственно прерванная человеческая жизнь обходится государству примерно в 2,4 млрд долл., экономический ущерб от изнасилования составляет в среднем 60 тыс. долл., а от разбойного нападения - 20 тыс. долл.¹⁸. Если использовать эту методику, то нематериальный ущерб от преступлений против личности составляет в современной Америке примерно 170 млрд. долл. ежегодно. Сравнимая масштабы потерь от преступности с величиной расходов на борьбу с преступностью (табл. 1 — 1), можно сделать вывод, что США находятся правее оптимального уровня преступности, поскольку потери от преступлений заметно превышают расходы на их сдерживание.

Экономическое обоснование выбора мер наказания.

Криминологи выделяют четыре функции наказаний преступников: наказание виновных, их изоляция для предотвращения совершения ими новых преступлений, перевоспитание виновных и сдерживание потенциальных преступников. Экономисты сосредотачивают свое внимание на функции сдерживания, полагая другие функции либо чисто этическими (наказание), либо применимыми к ограниченному кругу преступников (изоляция), либо просто сомнительными (перевоспитание). Одним из наиболее важных результатов экономического подхода к анализу преступности является вывод, что «наказание в форме увеличения вероятности ареста и длительности срока заключения служит удержанию от преступления»¹⁹. Для подтверждения этого достаточно вспомнить формулу дохода правонарушителя: чем выше показатели **p** и **D**, тем ниже доходность преступления и, следовательно, тем меньшее число людей будут рационально выбирать преступную карьеру.

Трактовка наказания как инструмента сдерживания позволяет ослабить остроту характерной для либерального сознания дилеммы наказания. «Дилемма наказания, — пишет по этому поводу Дж. Бьюкенен, — возникает в силу того, что для обеспечения такого общественного блага, как законопослушание, должно быть произведено такое общественное "антиблаго", как наказание. (...) Нормальный человек может страдать, зная о наказании явных преступников; он будет страдать еще больше, если поймет, что некоторые арестованные, на самом деле, обвинены ложно»²⁰. Если, однако, мы рассматриваем наказание не как инструмент мести, а как способ профилактики потенциальных преступлений, то гуманным ценностям общества наносится гораздо меньший урон. Встав на эту позицию, даже «мягкий человек, сострадающий ближнему, рационально одобрит при выработке законодательных норм суровые наказания, поскольку чем более суровы наказания, тем сильнее их сдерживающий эффект и тем реже возникает необходимость практически применять эти меры»²¹.

Совокупные потери общества, как доказал Г Беккер, минимизируются тогда и только тогда, когда вероятность рас-

крытия преступления и тяжесть наказания таковы, что правонарушителями становятся лишь те лица, которые склонны к риску. Если обратиться к уравнению чистого дохода от преступления, то данное условие означает, что этот доход (R) не должен быть больше нуля. Тогда

$$O > S - p \times D, \text{ или } p \times D > w_{\text{прест}} - W_{\text{лег}}$$

Иначе говоря, ожидаемые потери от преступления ($p \times D$) должны превышать добычу от преступления (принцип «преступление не оплачивается»). Это уравнение является основополагающим при выработке рациональной политики сдерживания преступности.

Из данного уравнения очевидно, что степень наказания и его тяжесть являются «благами-субститутами», т. е. могут взаимозаменять друг друга: назначение тяжелых наказаний, при низкой раскрываемости преступлений дает такой же сдерживающий эффект, что и назначение слабых наказаний при высокой раскрываемости преступлений. Эмпирические исследования уточняют, что увеличение на 1 % вероятности осуждения сильнее удерживает от преступления, чем увеличение на 1 % тяжести наказания.

Таблица 1 - 2

Эластичность уровня преступности в США
в зависимости от вероятности осуждения

Оценки показателей эластичности, по исследованиям различных экономистов	Эластичность по разным видам преступлений	
	Грабежи	Кражи со взломом
А. Эрлих (1973), США в 1960 г.	-1,303	-0,724
В. Вандейл (1978), США в 1960 г.	-1,674	-0,776
Ф. Масур (1978), города США в 1970 г.	-1,580	-0,256
С. Майерс (1980), города США в 1980 г.	-0,878	-0,486
М. Сесновиц, Д. Хекстер (1982), города США в 1982 г.	-0,1,620	-0,620

Составлено по: *Eide E. Economics of Crime. Deterrence and the Rational Offender. North - Holland, Amsterdam etc., 1994. P. 120 - 124.*

Зависимость числа преступлений от вероятности осуждения и от тяжести наказания заметно варьируется по различным видам преступлений и в разных странах. Чем тяжелее преступление, тем в большей степени правонарушители чувствительны к вероятности раскрытия преступления и тем слабее они реагируют на тяжесть наказания. Это значит, что для потенциального преступника нет особой разницы между пожизненным заключением или осуждением на 20 лет, поскольку и то и другое реально означает полное разрушение жизни. В табл. 1 — 2 показаны различные оценки эластичности уровня двух наиболее частых видов преступлений в США в зависимости от вероятности осуждения: для грабежей (robbery), более тяжелых правонарушений, показатели оказываются заметно выше, чем для краж со взломом (burglary). Что касается средней эластичности количества преступлений от вероятности наказания, то в мировом масштабе, по оценкам норвежского экономиста-криминолога Эрлинга Эйде, она составляет в среднем примерно $-0,5$: увеличение вероятности осуждения на 1 % уменьшает число преступлений на $0,5$ %²².

Другой важный аспект экономического анализа судебно-пенитенциарной системы — поиск путей минимизации расходов на ее функционирование. Большинство преступников несут наказание в виде отбывания тюремного заключения; однако это означает, что общество наказывает не только преступника, но и само себя, поскольку заключенный находится на государственном обеспечении, ничего не производя. «Преступник, находящийся в тюрьме, не способен быть производительным, — пишет по этому поводу П. Рубин, — и он производит некоторые издержки, в то время как никто не получает в результате выгоды»²³. Подобные ситуации, когда происходит не перераспределение благ, а абсолютное их сокращение, экономистам хорошо известны (они наблюдаются, например, в результате монополизации производства), их называют возникновением «омертвленных издержек» (dead-weight cost). Исходя из общеизвестной житейской мудрости «время - деньги», можно было бы счесть тюремное заключение и денежный штраф благами-субститутами. Г. Беккер полагает, однако, что

штрафы эффективнее тюремного заключения, поскольку при применении штрафов не возникает омертвленных издержек.

В этом вопросе, однако, требует дополнительного анализа вопрос, будут ли равны сдерживающие эффекты тюремного заключения и равного ему по величине наносимого материального ущерба денежного штрафа. Априори можно предположить, что, поскольку пребывание в тюрьме наносит репутации правонарушителя невосполнимый и трудно оцениваемый в деньгах урон, то замена тюремного заключения денежным штрафом должна производиться с коэффициентом редукции, который больше единицы. (Например, год тюремного заключения считать эквивалентным штрафу размером в среднюю потерянную зарплату за два года.) Кроме того, последовательная замена сроков тюремного заключения штрафами затруднительна из-за того, что у разных правонарушителей ценность их времени сильно различается. Видимо, некоторое «омертвление» общественных ресурсов есть неизбежная плата за необходимый обществу сдерживающий эффект.

Норма субституции тюремного заключения денежным штрафом будет качественно различаться для разных категорий правонарушителей. Г. Беккер предлагает использовать в данном вопросе предложенную им концепцию человеческого капитала - воплощенной в человеке и неотделимой от него способности приносить доход, которая зависит от его уровня образования, приобретенных профессиональных навыков и т. д. При таком подходе всех правонарушителей можно разделить на две категории: лица с высоким человеческим капиталом (обычно это люди с высоким образованием) и лица с низким человеческим капиталом (малообразованные преступники). Для первых более ценным ресурсом будет время, для вторых - деньги. Тогда с целью усилить сдерживающий эффект целесообразно проводить дифференцированную в соответствии с человеческим капиталом преступника политику наказаний, лишая преступников того, что является для них более ценным (табл 1 — 3) Преступники с высоким человеческим капиталом (обычно это «преступники в белых воротничках») должны приговариваться преимущественно к тюремному заключению,

а преступники с низким человеческим капиталом (обычно это общеуголовные преступники) — к денежным штрафам.

Таблица 1 — 3

Рекомендуемая Г. Беккером дифференцированная политика наказаний

Характеристики нарушителей	Типы нарушителей	
	Лица с низким человеческим капиталом	Лица с высоким человеческим капиталом
Редкий для них ресурс	Деньги	Время
Типы совершаемых ими правонарушений	Связаны с затратами времени	Связаны с затратами денег
Рекомендуемые для них наказания	Выплата денежных штрафов	Тюремное заключение

Помимо замены тюремных сроков заключения денежными штрафами для экономии издержек правоохранительной деятельности часто используется практика «согласованного признания вины». В США, в частности, большинство уголовных дел до судебного процесса не доходят, поскольку и обвиняемый, и обвинитель заблаговременно приходят к компромиссу: например, обвиняемый в избиении, которому грозит 10-летний срок заключения, признает себя виновным в хулиганстве и приговаривается к 2-летнему сроку. Подобные компромиссы, указывает американский экономист-криминолог Уильям Ландс²⁴, часто вызывают осуждение, но с экономической точки зрения они вполне оправданы. Действительно, судебный процесс несет значительные издержки обоим сторонам (оплата работников суда и адвоката подсудимого). Если они могут уладить дело «полюбовно», то в выигрыше будет и обвиняемый, и обвинитель.

Может возникнуть правомерный вопрос: не обесценивает ли подобная практика сдерживающего эффекта наказания? Поскольку, как уже упоминалось, сам факт осуждения сдерживает потенциальных преступников сильнее, чем тяжесть наказания, то снижение сдерживающего эффекта от ослабления наказания может быть достаточно умеренным. Таким об-

разом, рациональное поведение правонарушителей и обвинителей не просто допускает, но прямо предписывает, что большинство дел будет решаться во внесудебном порядке по взаимной договоренности сторон.

Когда экономисты анализируют экономическую эффективность системы наказаний, то речь не может не пойти об обоснованности высшей меры наказания — смертной казни. Этот вопрос обсуждается уже очень давно, и, к сожалению, голос эмоций слишком часто заглушает голос рационального разума. Экономисты рассматривают проблему смертной казни, как всегда, при помощи своей излюбленной методики сравнения затрат и выгод. Может показаться кощунственным оценивать на весах Фемиды жизнь человека, уникальную и невозобновимую. Однако экономисты парируют этот аргумент, поскольку готовы оценивать и затраты, и выгоды смертной казни именно в жизнях людей — таким образом, на обе чашки весов Фемиды ставятся гири одинакового качества.

Экономический анализ смертной казни стал одной из главных тем научных поисков американского экономиста-криминолога Айзека Эрлиха. В своих работах²⁵ он доказывал, что применение смертной казни дает сильный удерживающий эффект, сокращающий криминальное насилие и, в частности, количество совершаемых преступниками убийств. А. Эрлих провел сравнение количества убийств и смертных казней в различных штатах США, элиминируя другие факторы расхождений между ними (различия в национально-расовой и половозрастной структуре населения, в уровне доходов и т. д.). Его исследования показали, что между количеством смертных приговоров и числом убийств существует четкая обратная зависимость: каждая казнь убийцы предотвращает от 7 до 15 убийств. Хотя по поводу методики анализа последствий применения смертной казни (и иных видов наказаний) продолжаются дискуссии, в целом вывод А. Эрлиха об экономической эффективности этой высшей меры наказания стал среди экономистов довольно распространенным, хотя и не общепринятым²⁶

Итак, экономический подход к изучению наказаний позволяет оценивать эффективность различных их видов и, следовательно, дает ценный инструмент для совершенствования судебно-пенитенциарной системы.

1.4. Экономический анализ отдельных видов преступлений и борьбы с ними: экономика наркотиков и другие теории

Внутри «экономики преступности» одной из наиболее популярных тем является «экономика наркотиков» (economics of drugs). Причины этой популярности многочисленны, однако главное, конечно, - это принципиальная близость условий наркорынка и рынков обычных товаров. Экономисты, исследующие наркотики, оказываются в знакомом им мире денежных сделок, где участники купли-продажи вступают в контакт добровольно, по собственной воле. Что касается других «преступлений без жертв» (как, например, коррупция), а тем более «преступлений с жертвами», то здесь условия сильно отличаются от нормальных товарно-денежных отношений, что предопределяет значительные трудности с их экономическим анализом.

«Экономика наркотиков» как отрасль «экономики преступлений и наказаний». Хотя потребление наркотиков известно людям уже не одно тысячелетие, в острую проблему оно превратилось совсем недавно. Перелом произошел в 1960-е годы, когда «молодежная революция» в атмосфере «общества всеобщего благосостояния» втянула в потребление наркотиков сначала молодежь, а затем и средние слои. В результате сформировался обширный наркорынок, а наркобизнес стал самым высокоприбыльным видом мафиозного предпринимательства, каковым он остается и по сей день²⁷

Экономисты, изучающие проблемы «экономики преступлений и наказаний», естественно, не могли не откликнуться на «наркотический бум». Основоположником «экономики нарко-

тиков» стал американский экономист С. Роттенберг, опубликовавший в 1968 г. статью «Тайное распространение героина, его обнаружение и подавление»²⁸. Показателем большого внимания научной общественности к «экономике наркотиков» служит хотя бы то обстоятельство, что Г. Беккер, основоположник экономического анализа преступности, стал в последующем заниматься именно этими проблемами.

«Экономика наркотиков» базируется на некоторых общих принципах, присущих экономическому образу мышления как таковому. Экономисты предполагают, что поведение всех людей (в том числе и наркоманов) является рациональным — они сознательно и обдуманно стремятся максимизировать свое благосостояние при имеющихся в их распоряжении ограниченных ресурсах. Аналогично, задачей правоохранительных органов является оптимизация соотношения «выгоды-потери» для общества как коллектива всех граждан. Когда экономисты изучают выгоды и потери от преступлений, то они, естественно, стремятся унифицировать их при помощи денежных соизмерителей.

Поскольку отечественный читатель может ознакомиться с систематизированным изложением проблем экономической теории наркотиков по работам Л. М. Тимофеева²⁹, то мы рассмотрим это направление не онтологически, а гносеологически, проследив основные этапы его эволюции.

Кейнсианская парадигма экономической теории наркотиков: как оптимизировать правительственную политику? В «экономике наркотиков», как и в современной экономической теории в целом, можно проследить интеллектуальное противоборство различных парадигм, прежде всего кейнсианства и неоклассики.

Для кейнсианского подхода к экономическому анализу характерно прежде всего убеждение, что рыночная система может наилучшим способом работать лишь при активной и постоянной государственной поддержке. Когда началось формирование «экономики наркотиков» как самостоятельного научного направления, «век кейнсианства» уже подходил к концу. Однако идеи кейнсианства с характерным для него убеж-

дением, что нужно искать и находить наилучший вид правительственной политики, оказали сильное влияние на самые ранние — 1970-х гг. — подходы экономистов к проблеме борьбы с наркотиками. Характерна в этом отношении опубликованная в 1971 г. статья американских экономистов Дж. Коха и С. Группа, где даны результаты анализа наркорынка на основе теории спроса и предложения³⁰. Предлагаемые ими модели достаточно просты, но сохраняют значение и на современном уровне.

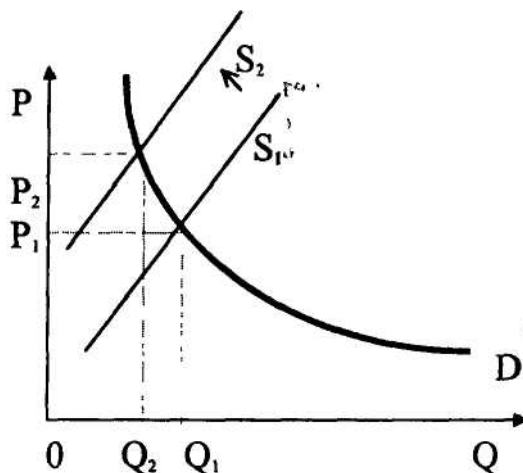

Рис. 1 — 2. Сдвиг цен на героин как результат **политики** увеличения издержек производства и реализации наркотиков

Источник: *Koch J. V., Grupp S. E. Op. cit. P. 348.*

Рис. 1 — 2 иллюстрирует традиционный подход к политике борьбы с наркотиками. Первоначальные равновесные цена и количество продаж на наркорынке обозначаются как P_1 и Q_1 . Действия правоохранительных органов (усиление таможенного контроля, повышение наказаний арестованным), направленные на увеличение издержек производства и реализации наркотиков путем усиления риска, приведут к сдвигу фун-

кции предложения от S_1 к S_2 . Новая равновесная цена героина (P_2) будет более высокой, равновесное количество продаж снизится (с Q_1 до Q_2).

Однако эта стандартная модель, справедливо указывают Дж. Кох и С. Групп, базируется на предположении, что предложение и спрос на наркотики эластичны по цене, подобно подавляющему большинству товаров. Предложение наркотиков, полагают авторы, действительно достаточно эластично. Что же касается эластичности спроса, то она в действительности весьма низка. «По последним оценкам, — писали Дж. Кох и С. Групп, — эластичность спроса на героин варьировалась от $-0,0067$ до $-0,09$. Это означает, что величина спроса на героин совершенно независима от колебаний цены»³¹. В таком случае функция спроса на наркотики примет форму перпендикуляра к оси абсцисс, и в результате полицейских операций, направленных против наркоторговцев, общие затраты потребителей на героин возрастут, поскольку при практически неизменном объеме продаж существенно возрастет цена. Эта ситуация изображена на рис. 1 — 3, где $P_1 \times Q_1 < P_2 \times Q_2$.

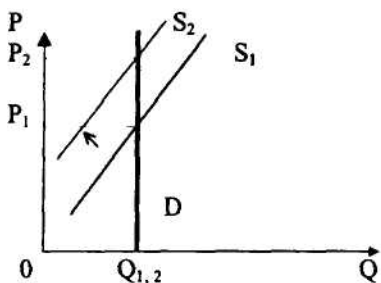

Рис 1 - 3. Сдвиг цен на героин при абсолютной неэластичности функции спроса

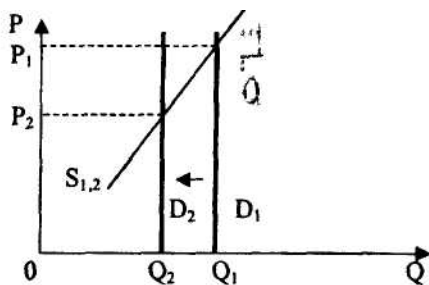

Рис. 1 - 4. Сдвиг цен на героин при сокращении спроса

Источник: Koch J. V., Grupp S.E. Op cit. P. 348

Источник: Koch J. V., Grupp S.E, Op. cit. P. 349.

Повышение цены на героин из-за ограничения предложения вызовет сильные побочные эффекты: «Предельные социальные издержки (marginal social costs) борьбы с наркотиками могут превысить вызванные ею предельные социальные выгоды (marginal social benefits). В результате борьба с наркотиками может стать причиной сокращения благосостояния»³². Социальные издержки законного ограничения наркотиков увеличатся, в частности, из-за роста преступности, вызванной этими ограничительными действиями: наркоманы будут вынуждены прибегать к незаконным действиям, чтобы заплатить возросшую рыночную цену. Кроме того, повышение цены на героин может стимулировать коррумпирование правоохранительных органов.

Другим способом борьбы с наркотиками является ограничение спроса (усиление профилактики наркомании, направление наркоманов на принудительное лечение и т. д.). Эффект от подобных действий показан на рис. 1 — 4: уменьшатся и потребляемое количество наркотиков ($Q_2 < Q_1$), и общие расходы потребителей на героин ($P_2 \times Q_2 < P_1 \times Q_1$), его цена будет падать ($P_2 < P_1$).

Иная альтернатива традиционной политике борьбы с предложением наркотиков — их медицинская легализация, как это было в Великобритании. «В основе британского подхода лежит идея, что потребление наркотиков есть медицинская проблема... Отсюда, если в целях оказания наилучшего влияния на здоровье больного ему прописывают с санкции врача... героин, то традиционным в Великобритании является мнение, что законная структура общества должна быть такова, чтобы героин можно было приобрести не преступным путем»³³

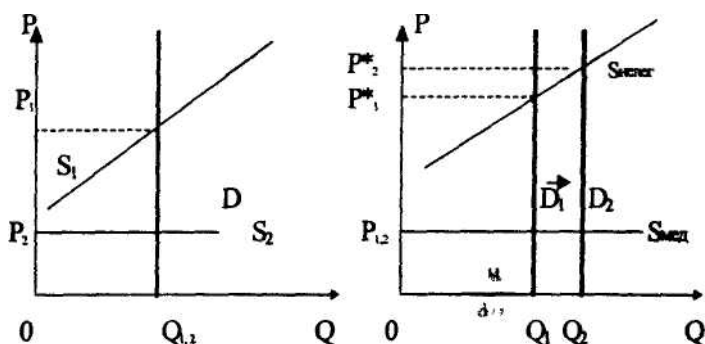

Рис. 1 — 5. Сдвиг цен на героин при создании законного рынка наркотиков.

Рис. 1 — 6. Увеличение спроса на героин в результате роста терпимости при создании законного рынка наркотиков.

Источник: Koch J. V., Grupp S.E. Op. cit. P. 349.

Источник: Koch J. V., Grupp S. E. Op. cit. P. 350.

Медицинская легализация наркотиков создает два рынка героина, которые четко различаются прежде всего характеристиками функции предложения. На легальном медицинском рынке функция предложения героина отличается бесконечной эластичностью по цене в течение срока действия медицинского рецепта. Эта функция предложения изображается линией, параллельной оси абсцисс. Равновесная цена на этом рынке будет довольно низкой и может не отражать ничего, кроме минимальных административных издержек. На нелегальном рынке будет более обычная функция предложения героина, характеризующаяся определенной ценовой эластичностью. Равновесная цена на нелегальном рынке гораздо более высока, чем цена на законном рынке. Эта более высокая цена отражает риск действий нелегальных продавцов.

Результаты такого воздействия на предложение показаны на рис. 1 — 5: S_1 — функция предложения героина на нелегальном рынке; S_2 — функция предложения героина на ле-

гальном медицинском рынке. В результате сдвига функции предложения цена на героин резко понижается ($P_2 < P_1$).

Ясно видно, что медицинский подход к проблеме наркотиков имеет несколько явных экономических преимуществ. Однако создание подобной системы сопровождается некоторыми вызывающими озабоченность явлениями.

Прежде всего, следует учесть феномен терпимости: «Если героин будет общедоступен, возможно, что может повыситься уровень терпимости [к потреблению героина]... Повысившаяся терпимость будет иметь результатом растущий спрос на героин»³⁴. Этот феномен показан на рис. 1 — 6. Модель предсказывает, что на медицинском наркорынке будет потребляться большее количество героина, чем до легализации. На подпольном наркорынке эффект будет таким же, но повышение цены — сильнее ($P_2^* > P_1^*$), поскольку функция предложения здесь более эластична.

В результате Дж. Кох и С. Групп приходят к выводу, что насильственное ограничение предложения нежелательно, поскольку это повысит цены на наркотики и увеличит преступную деятельность. Так как ценовая эластичность функции спроса на тяжелые наркотики типа героина приближается к нулю, ограничение предложения не сильно уменьшит потребляемое количество наркотиков. Действия, направленные на ограничение спроса, гораздо более предпочтительны, поскольку они уменьшают как величину потребления, так и цены на наркотик, результатом чего будет уменьшение масштабов преступности. «Система, при которой наркотики могут быть приобретены законным путем из медицинских источников, дает желаемые результаты, так как понижается цена наркотиков и снижается преступная активность. Однако феномен терпимости и спорная пригодность такой системы для американского образа жизни, — поспешили сделать оговорку экономисты, — могут подорвать полезность такого подхода»³⁵.

Более благожелательно относились к медицинской легализации те исследователи экономики наркотиков, которые изучали ценовую дискриминацию на наркорынке. Они обратили внимание, что единого наркорынка, по существу, нет: начина-

ющие наркопотребители фактически приобретают наркотики по более высокой цене, чем наркопотребители со стажем. Такая ценовая дискриминация новичков объективно полезна для общества, поскольку отталкивает от наркорынка тех, у кого еще не сформировалась наркозависимость, и отчасти избавляет наркоманов, которые уже не могут отказаться от приема «дозы», от необходимости искать дополнительные криминальные источники доходов. Американский экономист-криминолог Майкл Мур полагал, что для общества было бы наилучшим разрешить выписывать наркоманам героин только для потребления под контролем врачей в сочетании с ожесточенной борьбой против его несанкционированных покупок и потребления³⁶. В результате применения такого подхода наркозависимые потребители смогли бы получать наркотики почти бесплатно, а начинающие наркопотребители испытывали большие трудности с поиском криминального «товара».

Монетаристская парадигма экономической теории наркотиков: а нужна ли правительственная политика? В 1980-е гг., когда «неоконсервативная контрреволюция» была в полном разгаре, появились новые подходы и к анализу проблем наркобизнеса. Настоящую революцию (хотя, быть может, и не вполне победоносную) произвел в этом вопросе Милтон Фридмен. Лидер «неоклассической контрреволюции» известен не только своими монетаристскими разработками, но и как автор работ, посвященных общим вопросам идеологии классического либерализма. К их числу относится опубликованная в 1984 г. книга «Тирания статус-кво», написанная им в соавторстве со своей женой Розой Фридмен³⁷. Как и в других трудах неоклассиков (и особенно монетаристов, как наиболее ярких критиков государства), в ней последовательно отстаивается идея, что практически во всех сферах жизнедеятельности общества государственное регулирование является не только излишним, но и пагубным («провалы» правительства опаснее, чем «провалы» рынка).

В главе этой книги, посвященной современным проблемам преступности, авторы задаются вопросом: чем вызван тот воистину «девятый вал» преступности, который обрушился на

США (как и на другие развитые страны Запада) в 1960-е гг.? Главный фактор, который, по мнению авторов, «неоспоримо содействовал повышению преступности, — умножение законов, правил и норм. Умножилось число действий, которые считаются преступными. В самом деле, невозможно подчиняться всем законам, поскольку никто не может знать, каковы они. По этой же причине и официальные власти не в состоянии проводить в жизнь все законы в равной степени и без дискриминации»³⁸.

Поставив «диагноз», авторы считают своим долгом указать некоторые пути решения проблемы роста преступности. По их мнению, самых быстрых результатов можно добиться, если уменьшить перечень тех действий, которые расцениваются законом как преступные. «Наиболее многообещающие меры этого типа, — считают они, — касаются наркотиков». М. и Р. Фридмен задают риторический вопрос: разве не следовало извлечь соответствующие уроки из истории «сухого закона»? Когда его принимали в США в 1920 г., царили самые радужные ожидания. На деле «Запрет [Prohibition] подорвал основы права, коррумпировал защитников закона и создал декадентский моральный климат — и, в конце концов, не остановил потребления алкоголя. Несмотря на этот трагический объективный урок, мы, кажется, повторяем такую же ошибку по отношению к наркотикам»³⁹.

Гипотетическая легализация наркобизнеса, по мнению М. и Р. Фридмен, будет благотворной и для самих наркоманов, и для общества в целом. Наркоторговцы умышленно втягивают многих людей в потребление наркотиков, отпуская им бесплатно начальные дозы. «Толкачу» выгодно так поступать, поскольку, попав «на крючок», наркоман превращается в его постоянного клиента и вынужден затем постоянно тратить крупные суммы. «Если бы наркотики были юридически доступны, любая возможная польза от подобных негуманных действий должна в основном исчезнуть, поскольку наркоман мог бы приобретать наркотики из более дешевого источника»⁴⁰.

Рассмотрим далее влияние предполагаемой легализации наркобизнеса на всех остальных членов общества. Согласно

оценкам, от одной трети до половины всех преступлений против личности и собственности совершается в США или наркоманами, ради покупки очередной дозы идущими на преступление, или при конфликтах между конкурирующими группами наркопродавцов, или в процессе импорта и распределения нелегальных наркотиков. «Легализуйте наркотики, — пишут авторы, — и уличная преступность должна сократиться эффективно и немедленно»⁴¹. Кроме того, именно нелегальный наркобизнес порождает коррупцию, подкуп полиции и других правительственных чиновников; легализация наркотиков станет важным фактором и войны со взяточничеством.

Следует подчеркнуть, что мнение о необходимости легализации наркотиков не зависит от того, насколько пагубны или безвредны те или иные наркотики. «Сколько бы вреда не причиняли наркотики тем, кто их потребляет, по нашему мнению, — указывают М. и Р. Фридмен, — ...запрещение их использования наносит еще больший вред как потребителям наркотиков, так и всем остальным». Легализация наркотиков должна одновременно уменьшить число преступлений и улучшить правоохранительную деятельность — «трудно представить какую-либо другую меру, которая могла бы сделать так много для усиления закона и порядка»⁴². Впоследствии М. Фридмен пошел еще дальше и стал называть политику войны с наркотиками типично «социалистическим предприятием», которое наносит обществу только вред⁴³.

Выступление ведущего американского экономиста за легализацию наркотиков как самый эффективный способ борьбы с их негативными последствиями породило острую дискуссию, которая еще далека от завершения. С одной стороны, сформировалось антипрогибиционистское движение (его сторонники есть и в России), сторонники которого настойчиво пропагандируют голландский опыт легализации легких наркотиков и иные меры по декриминализации наркотиков как таковых⁴⁴. С другой стороны, практическое значение их пропаганды пока крайне невелико. Как справедливо отметил Л. М. Тимофеев, криминализация наркотиков объективно выгодна как наркомафии, так и многочисленным государственным

чиновникам, занятым организацией борьбы с наркотиками, а потому, скорее всего, «в исторически обозримом будущем вопрос о легализации наркотиков не продвинется из области абстрактных спекуляций в сферу практических решений»⁴⁵.

Неоинституциональная парадигма экономической теории наркотиков: и все-таки правительственная политика необходима! Следующее новое слово в этом вопросе было сказано совсем недавно, и этот новый шаг связан с именем Г. Беккера.

В отличие от М. Фридмена, Г. Беккер относится к числу неоинституционалистов, которые хотя и разделяют многие основные идеи неоклассики, но применяют их более гибко. Совместно со своим коллегой К. Мэрфи Г. Беккер разработал модель рационального поведения потребителя «вредных благ», которая анализирует зависимость масштабов индивидуального потребления наркотиков от их цены в долгосрочном аспекте⁴⁶. Модель Беккера-Мэрфи достаточно сложна, поэтому ограничимся изложением лишь окончательных выводов этих исследователей.

Согласно модели Беккера-Мэрфи — модели рациональной вредной привычки — поведению лиц, потребляющих «вредные блага» (наркотики, алкоголь, табак и т. д.), присущи следующие закономерности:

— долгосрочная ценовая эластичность спроса значительно выше, чем краткосрочная эластичность;

— более высокие в будущем (равно как и в прошлом) цены снижают текущее потребление;

— лица с более низким доходом на изменения цен вредных благ реагируют сильнее, чем лица с более высоким доходом, которые при этом больше учитывают будущие вредные последствия;

— молодежь сильнее реагирует на изменение цен, чем более пожилые люди, поскольку у молодых навыки рационального поведения более слабы⁴⁷.

Рассмотрим теперь с учетом этих выводов последствия сильного и стабильного сокращения цен на наркотики в результате их частичной или полной легализации. Следует пред-

положить, что более низкие цены вызовут заметное увеличение потребления в краткосрочном периоде и еще более сильное — в долгосрочном периоде. Поскольку наркопотребители из бедных слоев более чувствительны к снижению цен, наркомания среди бедных возрастет сильнее, чем у среднего класса и богатых. Аналогично, наркомания среди молодежи вырастет сильнее, чем среди других групп населения.

Мнение о слабой реакции наркопотребителей на постоянное изменение цен навеяно, полагают Г. Беккер и его соавторы, последствиями кратковременных карательных мероприятий («компаний») по борьбе с наркотиками. Поскольку подобные полицейские мероприятия повышают текущие, а не будущие цены, комплементарность между текущим потреблением и будущим не наблюдается. «...Временная война, которая сильно повышает уличные цены на наркотики, оказывает лишь слабое влияние на потребление наркотиков, в то время как постоянная война может дать более сильный эффект, даже за короткий период. У нас нет достаточных данных, — завершают свое исследование американские экономисты, — чтобы оценить, следует ли легализовать употребление героина, кокаина и других наркотиков. Анализ выгод — издержек... требует выбора между режимом легализации наркотиков и режимом ее отсутствия. Эта статья лишь показывает, что постоянное понижение цен, вызванное легализацией, вероятно, окажет существенное влияние на рост потребления, особенно среди бедных и молодежи»⁴⁸.

Концепция Г. Беккера стимулировала развитие нового, более взвешенного антипрогибиционизма, сторонники которого уже не требуют полного отказа от регулирования наркомаркннка, а ищут «золотую середину» между полным запретом наркотиков и их полной легализацией. Оптимальными решениями обычно признают широкую легализацию легких наркотиков типа марихуаны и гашиша (по образцу Нидерландов) и контролируемую частичную легализацию тяжелых наркотиков типа героина и кокаина для наркоманов (по образцу Цюриха). Сошлемся для примера хотя бы на опубликованную в 1993 г. работу Д. Гиерингера «Экономический анализ летали-

зации марихуаны», автор которой высчитывает, каким акцизом следует облагать «травку», чтобы ее легальная цена оказалась сопоставимой с ценами на спиртное и учитывала внешние эффекты⁴⁹. Что касается тяжелых наркотиков, то разработаны экономико-математические модели, доказывающие, что «наиболее благоприятным вариантом из существующих альтернатив политики [борьбы с наркотиками] кажется контролируемая частичная легализация для наркозависимых...»⁵⁰.

Таким образом, к 1990-м годам «экономика наркотиков» замкнула в своем развитии диалектическую триаду «тезис — антитезис — синтез». Начав с априорной уверенности в необходимости целенаправленной государственной политики в борьбе с наркопотреблением, она затем усомнилась в эффективности подобной политики, но, в конце концов, приходит все же к мнению о ее необходимости. Общий прогресс экономического анализа заметен в том, что внимание исследователей сместилось с изучения краткосрочных эффектов на анализ долгосрочных изменений.

Экономический анализ других видов преступлений и борьбы с ними. Степень разработанности частных теорий экономики преступлений и наказаний убывает по мере того, как преступная деятельность теряет черты сходства со стандартными товарно-денежными сделками.

Из «преступлений без жертв» помимо наркобизнеса довольно глубоко изучены коррупция и рэкет.

«Экономика коррупции» основана, в общем, на уподоблении подкупа чиновников теневому лоббированию; в результате перед исследователями раскрываются богатые возможности для привлечения различных моделей и концепций рентоискательства — одного из направлений теории общественного выбора⁵¹. При таком подходе «коррупция представляет собой черный рынок прав собственности, право распределять которые предоставлено чиновникам»⁵². Схожий подход используется при изучении рэкета, который рассматривается как нелегальная частная правоохранительная деятельность⁵³. Согласие платить «дань» определенной криминальной группи-

ровке предстает при таком подходе заключением нелегального соглашения о покровительстве⁵⁴.

Что касается «преступлений с жертвами», то здесь наиболее глубоко разработана экономическая теория уклонения от налогов⁵⁵. При исследовании этого феномена экономисты основываются на универсальной формуле выгоды криминального поведения: налогоплательщики будут уклоняться от уплаты налогов, если

$$p \times N < T,$$

где p — вероятность выявления нерадивого налогоплательщика,

N — штраф, налагаемый на выявленного нарушителя,

T — величина подоходного налога.

Иначе говоря, граждане и организации уклонялись бы от уплаты налогов, если ожидаемый штраф на каждый рубль (доллар, йену, ...) необъявленного дохода был бы меньше средней величины налога на доход. Соответственно, перед правительством стоит задача подобрать оптимальные p и N , чтобы максимизировать чистый доход госбюджета.

Прочие виды преступной деятельности изучены экономистами пока достаточно слабо.

1.5. Границы применения идей экономики преступлений и наказаний

Экономическая теория преступлений и наказаний отметила уже свое тридцатилетие. Новая теория перестала быть модной новинкой, у нее есть свои ведущие специалисты и богатые традиции. Теперь, когда творческие возможности экономики преступлений и наказаний проявились в полной мере, стоит задуматься и о другой стороне медали.

Если взглянуть на библиографию, то заметно, что основная масса известных работ по этой тематике опубликована еще в 1970-е гг. С одной стороны, вполне естественно, что пос-

ле открытия новой темы немедленно следует серия открытий, а затем экономисты начинают «копать вглубь». С другой стороны, при знакомстве с литературой возникает ощущение, что первоначальный исследовательский порыв уже исчерпан, а «второе дыхание» не приходит. Почему? Представляется, что экономисты-криминологи сталкиваются с двумя различными препятствиями - количественным и качественным. С одной стороны, принятая в экономической теории преступлений и наказаний модель взаимосвязи преступности и различных воздействующих на нее факторов начинает представляться слишком упрощенной. С другой стороны, преступность - эта та область общественной жизни, где большое значение имеют культурологические факторы, моделировать которые современная экономическая теория в принципе еще не умеет.

Преступность и количественные корреляции. Принятую в экономической теории преступлений и наказаний модель взаимосвязи основных факторов можно изобразить так, как показано на схеме (рис. 1 — 7).

Очевидно, что в этой модели игнорируются многие важные факторы, а влияние обозначенных показателей может быть не односторонним, а обоюдным. Рассмотрим хотя бы основополагающий для экономики преступности тезис, что наказание сдерживает преступность. Если задуматься, то станет ясным, что повышение раскрываемости преступлений и тяжести наказаний может и не вести непосредственно к снижению преступности⁵⁶.

Рис. 1 — 7. Взаимосвязь основных факторов экономики преступлений и наказаний

Во-первых, усиление деятельности правительственных правозащитных агентств должно уменьшать деятельность ря-

довых граждан по самозащите. В результате произойдет перераспределение ресурсов от частной к государственной правоохранительной деятельности, а привычный для граждан уровень безопасности может не измениться.

Во-вторых, существует эффект вытеснения: временное или локальное усиление сдерживающих мер ведет к перемещению преступной деятельности в другие периоды времени или в другие регионы. Так, например, усиление государственного контроля за банковской деятельностью в развитых странах привело к формированию в «третьем мире» (например, на островах Карибского моря) оффшорных зон, где контроль за движением банковских вкладов практически отсутствует, что позволяет беспрепятственно «отмывать» «грязные» деньги.

В-третьих, многие преступники (прежде всего наркомаганы) ориентированы на получение определенного дохода любой ценой. Если в результате принятых дополнительных мер безопасности уменьшится их средний доход от одних видов преступлений (например, люди перестают носить с собой наличные деньги, заменяя их кредитными карточками), то они будут совершать больше других преступлений (например, чаще грабить мелкие магазинчики или взламывать квартиры).

В-четвертых, рациональный преступник учитывает не реальный данные о раскрываемости, а лишь доступную ему информацию. Если повышение раскрываемости остается нарушителями незамеченным, то его сдерживающий эффект оказывается нулевым. В таком случае работа средств массовой информации может сама по себе, безотносительно к реальным успехам деятельности полиции, снизить преступность (если тиражируется информация об успехах в борьбе с преступностью) или повысить ее (если СМИ громогласно объявляют о беспомощности полиции).

В-пятых, следует учитывать, что ценностные нормы и правила поведения формируются у людей в юные годы, а затем обычно не изменяются. Если обычный гражданин, воспитанный в законопослушной среде, будет иметь возможность совершить преступление, то он, скорее всего, не пойдет на него, даже если будет полностью уверен в том, что его не поймут:

психологические издержки заставят его низко оценивать полезность правонарушения. Тогда вероятность наказания за конкретное преступление, совершенное в данный момент времени, может вообще исключаться из числа факторов, влияющих на поведение потенциального преступника⁵⁷.

Сложные взаимосвязи между криминологическими факторами ведут к тому, что рекомендациями экономической теории преступлений и наказаний приходится пользоваться с большой осторожностью.

Преступность и культура. Ранее уже отмечалось, что экономическая теория преступлений и наказаний, будучи неонституциональной теорией, постулирует (как и неоклассика в целом) принципиальный отказ от морально-этических оценок и идеологической предвзятости. В этом, считают неонституционалисты, ее сила. Но, может быть, в этом одновременно и ее слабость?

Чтобы лучше понять обсуждаемую проблему, вспомним один недавний эпизод из криминальной истории Америки. В 1997 г. одной из наиболее громких сенсаций американской жизни стало дело знаменитого афро-американского экс-спортсмена О. Дж. Симпсона, обвиненного в убийстве своей жены. Афро-американцы рассматривали этот процесс как проявление предвзятости «белой» Америки к представителям расовых меньшинств, и под давлением общественности (одно время Америка стояла буквально на пороге новой вспышки расовых волнений) обвиняемый был оправдан. Однако после вынесения оправдательного приговора обнаружились новые улики, неопровержимо доказывающие вину экс-спортсмена. Поскольку в США нельзя повторно судить раз оправданного по тому же самому обвинению, то американская юстиция нашла хитроумный ход: родители убитой подали в суд на убийцу, обвиняя его в том, что в результате убийства они лишились возможности пользоваться заботой и помощью своей дочери, и требуя на этом основании материальной компенсации потери. Суд вынес решение в пользу истцов, и теперь бывшая спортивная «звезда» обречена всю оставшуюся жизнь «сидеть на мели», отдавая все свои доходы родителям убитой им жены.

Если взглянуть на эту конкретную судебную-правовую коллизию с точки зрения экономической теории преступлений и наказаний, то, несомненно, казус был разрешен «по правилам»: с одной стороны, удовлетворены имущественные претензии родственников жертв, с другой стороны, преступник остался на свободе, чем были предотвращены расовые беспорядки и неизбежные при этом социальные потери.

Возможен ли, однако, подобный прецедент, например, в нашей стране? У россиянина в этой истории наибольший протест вызовет, вероятно, не позиция обвиняемого убийцы, не судебная казустика, а меркантильность родственников убитых, предъявивших убийце счет в конвертируемой валюте за утерянную возможность пользоваться заботой и любовью близкого человека. Российская культура принципиально не признает возможности оценивать в деньгах честь и достоинство, не говоря уже о жизни человека. Между тем экономическая теория преступлений и наказаний (как и неоклассический экономик в целом) зиждется, в конечном счете, именно на использовании стоимостных оценок как универсальных соизмерителей.

Можно согласиться, что для американской культуры подобная тотальная монетаризация всех сторон жизни вполне естественна и общеприемлема. Но могут ли подобные подходы быть усвоены представителями иных культурных традиций? Если нет, то новая экономическая теория рискует выродиться в своего рода «игру для интеллектуалов» или, в лучшем случае, стать таким же имманентным лишь для американской культуры явлением, как, скажем, бейсбол или «политическая корректность».

Если рассматривать экономическую теорию преступлений и наказаний как культурологический феномен, то становятся заметны многие детали, свидетельствующие о трудностях адаптации этой новой теории не только в массовом, но даже в научном сознании. Вызывает этические возражения, в частности, даже применение самого принципа оптимизации к правоохранительной деятельности. «Оптимизация без принуждения не может быть основой для измерения эффективности

всех (курсив мой. - Ю. Л.) форм осуществляемых действий, - полемически замечает по этому поводу известный французский экономист-криминолог Пьер Копп. — Экономия затрат по отношению к определяемой выгоде не является, например, основной характеристикой военной логики, где результат выражается зачастую бинарной оппозицией — поражение (провал) или победа (успех)⁵⁸.

Даже среди американских экономистов рационализм новой экономической теории далеко не всегда встречает понимание. Выдающийся американский неинституционалист Гордон Таллок рассказывает в одной из своих статей о характерной ситуации, возникшей во время обсуждения мер по совершенствованию организации контроля за безопасностью движения машин на дорогах. Участвующий в работе дорожной комиссии экономист-теоретик быстро понял, что камнем преткновения должно стать определение цены фатальной автокатастрофы и сравнение ее с потерями автомобилистов от ограничений скорости передвижения (дальнейшее решение этой проблемы следует из модели Филлипса-Воти-Эскриджа). Однако подобный вопрос даже не был поставлен на обсуждение, поскольку экономист чувствовал, что такая постановка проблемы не нашла бы понимания у инженеров, и (что особенно любопытно) сам профессиональный экономист одобрял эту иррациональную реакцию. «Он не хотел определять пропорции между количеством смертей и собственным комфортом, здраво объяснять их людям, занимающимся модернизацией дорог, и так же не хотел обсуждать это со мной», — так с оттенком удивления передает Г. Таллок реакцию своего коллеги⁵⁹.

Однако, если задуматься, ничего особо удивительного здесь нет. Экономическая теория преступлений и наказаний неизбежно вынуждает в конечном счете четко признать, что «всему на свете есть цена» — в том числе и человеческой жизни. Подобный денежный ультрарационализм подвергается табуированию практически во всех культурных традициях, светских и религиозных. Немудрено поэтому, что культурологический шок от таких рассуждений испытывают не только неспециалисты, но и интеллектуально искушенные экономисты.

Бросается, наконец, в глаза заметное расхождение между теоретическими рекомендациями американских экономистов и практическими действиями американской же администрации. Экономисты с 1960-х гг. настойчиво твердят о социальной полезности организованной преступности и об эффективности по крайней мере частичной легализации наркотиков. В действительности же в 1980—1990-е гг. ФБР серьезно усилило давление на «Коза Ностра» (достаточно вспомнить дело Джона Готти⁶⁰), а «война» с латиноамериканскими наркокартелями стала чуть ли не приоритетным направлением политики правительства США⁶¹. Что это, популистская самонадеянность недостаточно компетентной администрации? Или даже в Америке граждане склонны судить об успехах и промахах правовой политики в значительной мере по внеэкономическим критериям?

На поставленные вопросы однозначного ответа дать пока нельзя. Тридцать лет развития идей экономики преступлений и наказаний — достаточный срок, чтобы определилось отношение нового научного течения к обществу, но недостаточный, чтобы определилось отношение общества к этому течению. Можно отметить следующее: концепции экономики преступлений и наказаний органичны в рамках традиционной для неоклассического Экономикса «денежной» рациональности, которая, в свою очередь, есть одна из проекций родившейся в эпоху Реформации протестантской этики. Сейчас, в начале XXI века, уже очевидно, что это отнюдь не единственный тип рациональности. В какой степени идеи экономики преступлений и наказаний могут быть адаптированы к другим культурам, покажут будущие исследования.

Примечания:

¹ *Мандевиль Б.* Басня о пчелах. М.: Мысль, 1974. О Б Мандевиле см. также: *Субботин А. Л.* Бернард Мандевилль. М.: Мысль, 1986. Цитаты даются по переводу А. Л. Субботина.

² «Преследуя свои собственные интересы, он (человек. — Ю. Л.) часто более действенным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это» (*Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов М., 1962. С. 392). По существу, это

ослабленная формулировка мандевилевского тезиса о благотворности для общества своекорыстных мотивов.

³ *Becker G. Crime and Punishment: An Economic Approach // Journal of Political Economy. 1968. Vol. 76. № 2; Беккер Г. Преступление и наказание: экономический подход // Истоки. Вып. 4. М.: ГУ-ВШЭ, 2000. С. 28-90.*

⁴ Уже в 1970-е гг. стали появляться обобщающие работы с комплексным и систематизированным изложением идей экономики преступлений и наказаний. Позже их число постоянно умножалось. См.: *Anderson R. W. The Economics of Crime. The Macmillan Press LTD, 1976; Phillips L, Votey H. L. Jr. The Economics of Crime Control. Beverly Hills etc., 1981; Pyle D. J. The Economics of Crime and Law Enforcement. L., Macmillan, 1983; Schmidt P., Witte A. D. An Economic Analysis of Crime and Justice: Theory, Methods and Applications. Orlando, Academic Press, 1984.* В преподавании учебного курса «Economics of Crime» в США используют прежде всего следующие пособия: *Hellman D., Apler N. Economics of Crime. 4-th ed. Simon and Schuster Custom Publishing, 1997; Apler N., Hellman D. Economics of Crime. A Reader. 2-th ed. Simon and Schuster Custom Publishing, 1997.*

⁵ Так, немецкий экономист Х. Энторф с сожалением констатирует, что «в Германии, насколько известно автору, современные исследования по проблеме преступности и экономики практически отсутствуют» (*Энторф Х. Преступность с экономической точки зрения: факты, теория и статистика // Политэконом = Politekonom. 1997. № 1. С. 57).*

⁶ Некоторые идеи этой теории получили отражение в работах: *Ламов Ю. В. Экономический анализ организованной преступности. М., 1997; Шаститко А. Е. Неинституциональная экономическая теория. М.: Экономический факультет, ТЕИС, 1998.* Несколько шире представлены исследования по экономике наркотиков как одном из направлений экономической теории преступлений и наказаний: в частности, Л. М. Тимофеевым уже опубликовано первое в нашей стране комплексное исследование по этому вопросу (*Тимофеев Л. М. Наркобизнес. Начальная теория экономической отрасли. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1998).* Еще больше повезло экономике коррупции. Работниками ИНИОНа подготовлен проблемно-тематический сборник с обзором проблем коррупции, в котором есть очерк, специально посвященный экономике коррупции как направлению экономической теории преступлений и наказаний (*Жилина И. Ю., Иванова Н. Н. Экономика коррупции // Социально-экономические аспекты коррупции. М.: ИНИОН, 1998 С. 30—62).* По экономике коррупции см. также: *Полтерович В. Факторы коррупции // ЭИММ. 1998. № 3; Левин М., Цирик М. Коррупция как объект математического моделирования // Экономика и математические методы. 1998 № 3; Левин М., Цирик М. Математическое моделирование коррупции // Экономика и математические методы. 1998. № 4.*

⁷ *Rubin P. H. The Economics of Crime // The Economics of Crime. Cambridge (Mass.), 1980. P. 13.*

⁸ *Sesnowitz M. Returns to Burglary // The Economics of Crime. Cambridge (Mass.), 1980. С 181-186. (Впервые данная статья опубликована в издании: Western Economic Journal. 1972. Vol. 10. № 4. P. 477-481.)*

⁹ Используя формулу расчета ожидаемого дохода, легко подсчитать, насколько часто контролер должен проверять билеты, чтобы ездить «зайцем» стало невыгодно: если, например, билет в автобусе стоит 1 руб. 20 коп., а штраф за безбилетный проезд — 8 руб., то необходимо, чтобы вероятность быть оштрафованным превышала 15%, т. е. контролерам следует проверять по крайней мере каждый 7-й автобус.

¹⁰ См.: *Becker G. S. Crime and Punishment: An Economic Approach // Essays in the Economics of Crime and Punishment / Ed. by G. S. Becker, W. L. Landes. N.Y., 1974. P. 10.*

¹¹ Обзор экономических моделей поведения преступника см.: *Eide E. Economics of Crime. Deterrence and the Rational Offender. North - Holland, Amsterdam etc., 1994. P. 47-71.*

¹² Отечественные криминологи говорят об «организованной преступности» применительно как к чисто уголовным, так и к хозяйственным преступным группам. В зарубежной криминологии эти два явления справедливо разводятся: «организованной преступностью» называют уголовно-гангстерские объединения (типа Коза Ностра), а хозяйственных преступников (типа участников дела фирмы «Локхид») - «беловоротничковой преступностью» (*white-collar crime*). Наиболее комплексную информацию по экономическому анализу организованной преступности можно найти в издании: *Economics of Organized Crime. Cambridge Univ. Press, 1995.*

¹³ Именно такова, по существу, позиция Т. Шеллинга, основоположника экономического анализа организованной преступности. Работа Т. Шеллинга «Экономический анализ и организованная преступность» была опубликована в 1967 г., даже раньше основополагающей статьи Г. Беккера, но в отличие от нее не получила подобного резонанса. В работах его последователей, особенно тех, кто использует экономическое моделирование, преступная организация, как правило, рассматривается именно в качестве целостной экономической ячейки, т. е. как единая фирма.

¹⁴ Так, Э. Эндерсон полагает, что «мафиозный клан в целом не представлял собой фирму», не была единой деловой фирмой и сама мафия как совокупность кланов. В частности, в американской «Коза Ностра» «мафиозное семейство в целом не являлось предпринимательской фирмой — это была управляемая структура, члены которой занимались собственным легальным и нелегальным бизнесом; некоторые, не занимавшие какого-либо положения в иерархической структуре, вели финансовую деятельность успешнее, чем другие члены группы, такое положение

занимавшие» (Эндерсон Э. Организованная преступность и органы власти // Политэконом = Politeconom. 1996. № 2. С. 108).

¹⁵ *Stigler G. J.* The Optimum Enforcement of Laws//Journal of Political Economy. 1970. Vol. 78. № 3. P.526 - 535.

¹⁶ *Phillips L., Votey H. L. Jr.* The Economics of Crime Control. Beverly Hills etc., 1981. P. 29 - 30; *Eskridge C. W.* The Futures of Crime in America: an Economic Perspective // Crime and Criminal Justice in a Declining Economy. Ed. by K. N. Wright. Cambridge (Mass.), 1981. (Данная публикация представляет доработанный автором вариант статьи, опубликованной в: Chitty's Law Journal. 1978. January. P. 9 —16.)

¹⁷ *Eskridge C W.* Op. cit. P. 308.

¹⁸ *Мандел М., Магнуссон П.* и др. Сколько стоит преступление? // Бизнес Уик. 1994. № 3. С. 19.

¹⁹ *Rubin P. H.* Op. cit. P. 19.

²⁰ *Бьюкенен Дж. М.* Границы свободы. Между анархией и Левиафаном // Сочинения. Серия «Нобелевские лауреаты по экономике». М.: Таурус Альфа, 1997. Т.1. С.380, 381.

²¹ Сдерживающий эффект наказаний ослабляет дилемму наказаний, но не отменяет ее, поскольку все равно судьба конкретного правонарушителя становится объектом хладнокровных манипуляций во имя «общего блага». «...Вообще всякое примерное наказание ...заключает в себе долю несправедливости, которая, являясь злом для отдельных лиц, возмещается общественной пользой», — так передает Тацит в своих «Анналах» речь одного из сенаторов эпохи Нерона. «Напрашивается ...вывод, что дилемма наказания характерна для любого общества, которое стремится воздвигнуть свою правовую структуру на индивидуалистических ценностях», — с грустью вторит ему Дж. Бьюкенен (Бьюкенен Дж. Ук. соч. С. 394).

²² *Eide E.* Economics of Crime. Deterrence and the Rational Offender. North - Holland, Amsterdam etc., 1994. P.156.

²³ *Rubin P. H.* Op. cit. P.20. Осмысливая данное утверждение, интересно отметить, как социально-культурные стереотипы и ценности, специфичные для конкретного общества, незаметным образом вторгаются в экономическую теорию, претендующую на универсальное значение. Любой житель России отлично знает, что принудительный труд заключенных можно использовать так, чтобы он не только окупал расходы на их содержание, но и приносил изрядную выгоду для государства (так было не только в сталинском ГУЛАГе, но и до него, и после). Напротив, американскому экономисту даже не приходит мысль о возможности организовать такой «тюремный бизнес», похожий на эксплуатацию рабов (в западной пенитенциарной системе труд заключенных строится на добровольных началах). Поэтому следует сделать оговорку, что содержание преступника в тюрьме наносит обществу ущерб, если принуждение зак-

люченных к труду является социально неприемлемым (порождает высокие негативные социальные экстерналии). Исследование проблемы коммерциализации пенитенциарной системы см.: *Кристи Н.* Борьба с преступностью как индустрия. Вперед, к ГУЛАГу западного образца? М.: Идея - Пресс, 1999.

²⁴ *Landes W. M.* An Economic Analysis of the Courts // *Journal of Law and Economics*. 1971. April. P. 61 - 107.

²⁵ См.: *Ehrlich I.* The Deterrent Effect of Capital Punishment: a Question of Life and Death // *American Economic Review*. 1975. June. P. 397 - 417; *Ehrlich I.* Capital Punishment and Deterrence: Some Further Thoughts and Evidence // *Journal of Political Economy*. 1977. August. P. 741 - 788.

²⁶ Критику позиции об экономической эффективности применения смертной казни см.: *Напп R.G.* Deterrence and the Death Penalty: A Critical Review of the Econometric Literature. 1976; *Honeyman J.C., Ogloff J.R.P.* Capital Punishment: Arguments for Life and Death // *Canadian Journal of Behavioural Science*. 1996. Vol. 28. January (<http://www.cpa.ca/ogloff.htm>).

²⁷ В героиновом наркобизнесе розничные цены отличаются от закупочных цен на первичное сырье примерно в 1000 раз, в кокаиновом бизнесе — примерно в 100, в марихуановом — в 10 раз. Такой перепад цен не имеет аналогов среди других видов бизнеса (за исключением, возможно, торговли оружием).

²⁸ *Rottenberg S.* The Clandestine Distribution of Heroin, its Discovery and Suppression // *Journal Political Economy*. 1968. Vol. 76. P. 78 — 90.

²⁹ *Тимофеев Л. М.* Наркобизнес. Начальная теория экономической отрасли. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1998. См. также: Тимофеев Л. Наркобизнес как экономическая отрасль (теоретический анализ) // *Вопросы экономики*. 1999. № 1. С. 88 — 104.

³⁰ *Koch J. V., Grupp S. E.* The Economics of Drug Control Policies // *The Economics of Crime*. Cambridge (Mass.), 1980. P. 339 — 351. (Данная статья впервые опубликована в издании: *The International Journal of the Addiction*. December 1971. Vol. 6. № 4. P. 571 — 584.)

³¹ *Koch J. V., Grupp S. E.* Op. cit. P. 340.

³² *Koch J. V., Grupp S. E.* Op. cit.

³³ *Koch J. V., Grupp S. E.* Op. cit. P. 344.

³⁴ *Koch J. V., Grupp S. E.* Op. cit. P. 346.

³⁵ *Koch J. V., Grupp S. E.* Op. cit. P. 348.

³⁶ *Moore M.* Policies to Achieve Discrimination of the Effective Price of Heroin // *The Economics of Crime*. N. Y. etc., 1980. P. 363 - 375. (Впервые данная статья опубликована в: *American Economic Review*. May 1973. Vol. 63. № 2. P. 270 - 277.)

³⁷ *Friedman M. and R.* Tyranny of the status quo. San Diego, N.Y. etc., 1984.

³⁸ *Friedman M. and R.* Op. cit. P. 135.

³⁹ *Friedman M. and R.* Op. cit. P. 137.

⁴⁰ *Friedman M. and R.* Op. cit. P. 139.

⁴¹ *Friedman M. and R.* Op. cit. P. 139.

⁴² *Friedman M. and R.* Op. cit. P. 140 - 141.

⁴³ *Friedman M.* The Drug War as a Socialist Enterprise. Эта статья находится в Интернете по адресу: <http://www.legalise-usa.org/documents/HTML/socialist.htm>. Текст данной статьи опубликован в книге: *Friedman and Szasz on Liberty and Drugs*. Ed. by A. S. Trebach, K- B. Zeese. Washington, 1992. Статья является изложением доклада М. Фрийдмена на V Международном конгрессе по проблемам реформирования наркополитики в Вашингтоне 16 ноября 1991 г. В сети Интернета можно найти и другие публикации М. Фрийдмена по этой проблеме.

⁴⁴ С их изданиями легко ознакомиться в Интернете. См., например, сборник: Довольно прогибиционизма. Радикалы и наркотики. Рим, 1995 (адрес — http://www.high.ru/library/trp/no_prohibition.htm). См. также: *Храмов Н.* Нельзя рубить нос или уши // Новое время. 1997. № 40. С. 38 - 39.

⁴⁵ *Тимофеев Л. М.* Наркобизнес. Начальная теория экономической отрасли. С. 66.

⁴⁶ *Becker G., Murphy K. M.* A Theory of Rational Addiction // *Journal of Political Economy*. 1988. Vol. 96. August. P. 675 — 700. Ее краткое изложение можно найти в статье: *Becker G., Grossman M., Murphy K. M.* Rational Addiction and the Effect of Price on Consumption // *The American Economic Review*. 1991. May. P. 237—241.

⁴⁷ *Becker G., Grossman M., Murphy K. M.* Op. cit. P. 240.

⁴⁸ *Becker G., Grossman M., Murphy K. M.* Op. cit. P. 241.

⁴⁹ *Gieringer D.* Economics of Cannabis Legalisation // http://www.srogers.com/other/econ_mj.htm.

⁵⁰ *Prinz A.* Rauschgift aus dem Supermarkt? Eine ökonomische Analyse der Drogenpolitik // *Zeitschrift für Wirtschafts- und Sozialwissenschaften*. 1994. Jg. 114. H. 4. S. 556.

⁵¹ См., например: *Притцль Р. Ф. Й.* Коррупция, рентоориентированное поведение и организованная преступность в России. Исследование спозиций институциональной экономики // *Политэконом = Politekonom*. 1997. № 1. С. 64 — 76; *Жилина И. Ю., Иванова Н. Н.* Экономика коррупции // *Социально-экономические аспекты коррупции*. М.: ИНИОН, 1998. С. 30 - 62.

⁵² *Democratic et corruption en Europe*. P., 1995. P. 149- 150. (Цит. по: *Социально-экономические аспекты коррупции*. М.: ИНИОН, 1998. С. 35).

⁵³ У читателя может вызвать возражение классификация рэкета как «преступления без жертв». Рэкетиров часто представляют командой головорезов, которые силой навязывают предпринимателям свои мнимые услуги, «защищая» их в первую очередь от самих себя. На самом деле в

условиях высокой криминогенности (большого количества «бандитов га стролеров») предприниматели часто сами ищут надежную «крышу», справедливо отдавая предпочтение «оседлому бандиту». Поэтому этот вид преступности можно рассматривать (хотя и не всегда) именно как особую форму добровольных и взаимовыгодных отношений купли-продажи.

⁵⁴ См., например: Gambetta D. *The Sicilian Mafia. The Business of Private Protection*. Cambridge (Mass.), L., 1993. Этот же подход к анализу рэкета хорошо заметен в концепции «оседлого бандита» М. Олсона (см. гл. 2).

⁵⁵ См., например: Pyle D. 1. *Tax Evasion and the Black Economy*. The Macmillan Press LTD, 1989.

⁵⁶ *Cameron S. The Economics of Crime Deterrence: A Survey of Theory and Evidence* // KYKLOS. 1988. Vol.41. Fasc. 2. P. 301 - 323.

⁵⁷ Отсюда следует вывод, что современный криминальный «беспредел» в России является лишь первым сполохом надвигающегося тайфуна. Те, кому сейчас 20 - 30 лет (самая криминогенная возрастная группа), воспитывались в атмосфере «позднего застоя» 1970 - 1980-х гг., когда, несмотря на широкую коррумпированность «верхов» и повальную «растасиловку» среди «низов», официально поддерживалась идеологическая установка, что «доблестная советская милиция», несомненно, выигрывает «незримый бой» с теми отщепенцами, кто «честно жить не хочет». Дети 1990-х гг. воспитываются повседневными сообщениями СМИ о заказных убийствах, которые почти никогда не раскрываются, о тотальной продажности и беспомощности полиции, о громадных взятках «в коробках из-под ксерокса» и о фривольных сексуальных похождениях «человека, похожего на генерального прокурора». Даже если в 2000-е гг. наши силы порядка серьезно повысят эффективность своей работы, им придется иметь дело с теми, кто вырос в атмосфере циничного беззакония и потому мало страшится наказания.

⁵⁸ *Kopp P. Les analyses formelles des marches de la drogue* // *Revue tiers-monde*. 1992. Т. XXXIII. № 131. P.576.

⁵⁹ *Tallock G. An Economic Approach to Crime* // *The Economics of Crime*. Cambridge (Mass.), 1980. P. 75.

⁶⁰ В 1992 г. после семилетней слежки работникам ФБР удалось добиться по приговору суда пожизненного заключения Джона Готти — главы («капо») одной из крупнейших «семей» «Коза Ностра». Побочным результатом успехов американских блюстителей порядка в борьбе против итало-американской мафии стало заметное усиление в США в последние десятилетия других мафиозных организаций — прежде всего латиноамериканских.

⁶¹ В конце 1980-х гг между правоохранительными органами и колумбийским Медельинским картелем, который почти онополизировал про-

---

изводство и продажу кокаина, началась настоящая война, в ходе которой наркобароны организовывали убийства даже кандидатов в президенты Колумбии, а правительства посылали эскадрильи самолетов для бомбардировки кокаиновых плантаций. В начале 1990-х гг. все руководители Медельинского наркокартеля были либо убиты, либо арестованы; однако лидерство в кокаиновом бизнесе перешло в руки другого колумбийского наркокартеля — картеля Кали, а экспорт наркотиков скорее вырос, чем сократился (подробнее см. гл. 3).